

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Носова Артема Владимировича
«Сакрализация пространства основателями русских
монастырей в XIV–XV веках»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 5.6.1 – Отечественная история

Жития святых занимают одно из ведущих мест в жанровой системе древнерусской литературы, а учеными с давних пор причисляются к основным источникам по истории нашей страны в соответствующий период. Несмотря на различие в исследовательской оптике и ракурсах взгляда на данный вид источников, интерес к ним не ослабевал никогда. В то же время на фоне активной публикаторской деятельности современная историография испытывает заметный недостаток исследований, претендующих на широкие концептуальные обобщения. Диссертацию А. В. Носова, безусловно, следует отнести к их числу. Указанное обстоятельство делает очевидной актуальность данной работы.

Автор обращается к житиям периода «монастырского возрождения» XIV–XV вв., ставя непростую задачу изучить на их материале «духовное освоение места отшельнических подвигов» (с. 5). Примечательной стороной работы А. В. Носова является широчайшая источниковая база: автором исследуется более 30 житийных памятников XIV–XVIII вв. В ряде случаев привлекаются неопубликованные тексты или списки более ранние, нежели издававшиеся прежде. Отметим, что автор прекрасно ориентируется в источниках и в целом проявляет бережное отношение к их содержанию. Следует всячески поддержать подход, в рамках которого осознаются как соответствие житийной топике реального поведения средневековых подвижников, так и мировоззрение агиографа.

Вместе с тем необходимо особо прокомментировать используемый А. В. Носовым термин «сакрализация пространства». Автор противопоставляет его иеротопии, однако в известных нам работах оба данных термина употребляются в близком, если не тождественном, смысле (см., напр.: *Окладникова Е.А. Сакральный ландшафт: теория и эмпирические исследования*. М.: Берлин, 2014). Кроме того, сами древнерусские подвижники, конечно, не могли мыслить свою деятельность как «духовное освоение» (с. 5) пространства, меняющее качества последнего.

Само понятие «духовное освоение», к которому А. В. Носов сводит сакрализацию, в известной мере расплывчато, ведь такого рода освоением занимается любое религиозное, а зачастую и секулярное сознание. Поэтому заявленное исследование «сакрализации пространства» не может полностью избежать той критики, которая выражалась в научной литературе по адресу иеротопии с ее неопределенностью и терминологической перегруженностью (*Заграевский С.В. О научной обоснованности иеротопии // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики*. Томск, 2018. Вып. 1 (15). С. 49-69). На наш взгляд, правильнее было бы не предписывать средневековой культуре подобного рода понятийный аппарат (с оттенком структурализма), а обратиться к понятиям источников, где говорится о конкретных действиях против нечистой силы – и только.

То же можно сказать относительно рассуждений автора о «дихотомии средневекового мировоззрения “свое – чужое”, бинарном взгляде на “праведное – грешное”» (с. 120) с опорой на труды В. Н. Топорова (с. 20-22). Последний, на наш взгляд, преувеличивал упомянутую дихотомию (и даже проводил параллели между древнерусской традицией и манихейством). С точки зрения православного вероучения, «зло не есть сущее, но лишенность сущего» (Иоанн Дамаскин), что, разумеется, было известно русским сочинителям житий. Поэтому элементы строгой бинарности в русской культуре были возможны лишь как рецидивы язычества, а существование их в высокой книж-

ной культуре сомнительно и во всяком случае нуждается в весьма серьезном дополнительном обосновании. Подчеркнем, однако, что при этом само исследование духовного аспекта основания русских монастырей, предпринятое А. В. Носовым, чрезвычайно полезно и важно в научном отношении.

С учетом изложенного можно было бы внести коррективы в анализ представлений о нечистоте места. В житиях святых нигде эксплицитно не говорится, что определенные места были нечистыми изначально. При этом павшие духи мыслились витающими в воздухе, то есть фактически всеприсутствующими. Их власть стала уменьшаться с приходом Христа: так, в пустынные области, согласно Евангелию, бежали бесы, изгнанные Им из людей. Поэтому можно думать, что «пустыня стала жилищем демонов постольку, поскольку в ситуации, когда язычество уступило свое место христианству, и Сатана должен был подвинуться» (*Ренье Л.* Повседневная жизнь Отцов-пустынников IV века. М., 2008. С. 190). Возможно, при более детальном исследовании русских текстов удастся обнаружить указания книжников на время появления бесов в том или ином месте. Во всяком случае, в данном контексте особенности русских источников могут получить более яркое освещение. В частности, дополнительное обоснование получают ценные наблюдения А. В. Носова, касающиеся самобытных элементов в размышлениях русских книжников и «вынужденной оппозиции сакрального русского мира и языческого, колдовского антимира Севера» (с. 127) в конкретных исторических условиях.

Вообще конфессиональный взгляд на нечистоту пространства заслуживает дальнейших изысканий. Перспективным может оказаться сравнение с деятельностью европейцев в заморских колониях, которое (данному факту не всегда уделяется адекватное внимание) первоначально мыслилось как освобождение пространства от господства нечистой силы и поклонения ей (см., напр.: *Cañizares-Esguerra J.* Puritan Conquistadors: Iberianizing the Atlantic, 1550-1700. Stanford, CA, 2006. P. 12-14). В том же ключе возможно тракто-

вать и рассматриваемые автором в другой части работы (с. 226-227, 231-232) сюжеты, связанные с конфликтами монахов с туземцами-лопарями в Приладожье и карелами на Соловецких островах.

Особый интерес представляют те разделы работы, в которых анализируется восприятие Севера в русских житийных источниках. Вполне оправдана гипотеза А. В. Носова (осторожно им сформулированная), что «в древнерусской книжности могло быть распространено устойчивое негативное восприятие Севера» (с. 130), между тем как для византийских памятников «наделение природно-географических характеристик негативными чертами не свойственно» (с. 127). Заметим, правда, что в греческой традиции эфиопы могут сравниваться с бесами, но в основном вывод автора представляется верным. С другой стороны, в латинских источниках, как и в русских, Север весьма нередко обладает негативными коннотациями. Однако в этом случае речь идет, вероятно, не о книжном обмене или не менее трудно доказуемых устных контактах, а о типологическом сходстве.

Несмотря на то, что источниками негативного восприятия Севера явились, как признает и сам автор, не только фольклорные представления, но также отчасти интерпретация сюжетов переводной литературы (ср.: *Махов А.Е. Hostis antiquus: Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря.* М., 2006. С. 253), характеристика преисподней как места «зимы несогреваемой» именно в древнерусской книжности стала устойчивым топосом, который можно проследить с домонгольской эпохи до старообрядческих памятников и который, как кажется, не получил распространения за пределами Древней Руси. Вспомним, например, что, хотя значение греческого «тартар» – слова неясной этимологии – могло иметь связь с холодом, в древнейших переводах оно передается как «гроза» (*Невоструев К.И. Тартар [Материалы для археологического словаря] // Древности: Труды Московского археологического общества.* М., 1865–1867. Т. I. С. 74-75). Данные, собранные автором, подкрепляют известные ранее материалы и удачно допол-

няют их картинами различных русских ландшафтов. Примечателен вывод, что «в агиографии преобладают положительные характеристики воды» (с. 168). В соответствующих сюжетах, возможно, отразились представления не только о водах Крещения, но и о чудесах Ветхого Завета (очищение Неемана в Иордане).

Любопытно и ценно наблюдение А. В. Носова, что «в агиографии идея островного безмолвия почти не развита» (с. 147). Из него следует, что русские жития находятся в контрасте, например, с материалом Британии и Ирландии, где образ анахорета на острове является классическим. Таким образом, в данном пункте (в отличие от сюжета, рассмотренного выше) литературная топика оказывается важнее географического сходства.

Нужно отметить, что автор, к сожалению, почти не обращается к зарубежным сюжетам из истории святости и подвижничества. Правда, А. В. Носовым привлечен для краткого сравнения материал ряда византийских житий, известных на Руси в славянских переводах. Однако данный раздел работы можно было бы существенно расширить за счет материала житий таких святых, как Павел Фивейский («пустыню населивый и диавола прогнавый от нея»: РГБ, МДА 91, л. 365), Симеон и Даниил Столпники, Пахомий Великий и другие, а также патериковых повестей (для примера упомянем сюжет о Макарии Александрийском, который беседовал с демонами на могиле египетских волхвов).

Не лишним было бы и привлечение западного материала, на который уже отчасти было указано выше. Известно, правда, что борьбу с демонами святые христианского Востока вели чаще, нежели западные подвижники (см., напр.: *Moorhead J. Thoughts on some early medieval miracles // Byzantine Papers. Proceedings of the First Australian Byzantine Studies Conference, Canberra, 17-19 May 1978. Canberra, 1981. P. 9*). Однако различия касаются в основном исцелений бесноватых, особенно широко представленных в восточной традиции. Что касается изгнания нечистой силы с мест, не населенных человеком, то в

в европейской средневековой литературе можно обнаружить яркие параллели к материалу, изучаемому А. В. Носовым. Если на Востоке главным демонов была пустыня (где с ними боролся уже св. Антоний Великий), то ландшафты Запада, на фоне которых происходила духовная брань, были иными: так, св. Кутберт изгнал демонов с островов Фарн (*Alexander D. Saints and Animals in the Middle Ages. Woodbridge, 2008. P. 135*), св. Галл – из озера (*Чехонадская Н.Ю. Галл // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 10. С. 346*). Память о местных подвижниках запечатлевалась в топонимике: так, Линдисфарн, как известно, именуется Святым Островом. Все эти сюжеты позволяют оценить степень самобытности развития житийной топики в конкретных условиях.

Касаясь по отдельности частных проблем, затронутых в работе А. В. Носова, отметим, что их рассмотрение выстроено автором в последовательности, соответствующей этапам создания обителей. Поэтому диссертация обладает четкой и логичной структурой. Не вполне аргументированным выглядит лишь разделение сюжета о духовной брани на несколько частей. Известно, что, согласно христианским представлениям, демоны принимают разнообразные обличья в соответствии с качествами искушаемых, между тем как основная задача нечистой силы остается неизменной. Как представляется, в данном случае при анализе общее должно было бы взять верх над особенным.

Небезынтересны приложенные к работе статистические материалы, представленные автором в виде таблиц и диаграмм. В то же время, по нашему убеждению, опираться на эти данные можно лишь с известной долей осторожности, так как особенности используемых источников – произведений средневековой литературы – позволяют усомниться в их достаточной репрезентативности.

Убедителен вывод диссертанта, что, хотя «агиографы... относили созданию храма центральное место», «появление церкви не отождествляется с ос-

нованием монастыря» (с. 119). Между тем подобные отождествления нередко встречаются в научной литературе. Следующий за источниками взгляд на создание обителей как на «длительный и многосложный процесс» (с. 118) представляется правильным и отражает специфические представления о времени в средневековой культуре.

Самостоятельное значение имеет очерк о кресте как элементе «сакральной топографии» (с. 175-189). А. В. Носовым подробно описаны обычаи установления крестов, стоявших как отдельно, так на месте будущих монастырей. Нелишне заметить, что богатая и активно изучаемая в науке традиция, связанная с крестами, существовала в Ирландии и Северной Англии (см., напр.: *The Place of the Cross in Anglo-Saxon England*. Woodbridge, 2006. P. 3-42). Не настаивая на каких-либо прямых связях, можно предложить диссертанту обратиться к соответствующему материалу для сравнительно-типологического анализа.

В скрупулезных и источниковедчески значимых разделах работы, посвященных жизни иноков в монастыре, А. В. Носов, к сожалению, допускает терминологические шероховатости: «Они [духовные практики] призваны очистить инока от страстей, чтобы приблизить его к Богу. Главная цель монаха – встреча с Христом через причащение и непрестанную молитву, возводящую подвижника к высочайшему уровню духовного развития – обожению» (с. 248). Как выражение «встреча с Христом», так и понятие «духовное развитие» носят определенный отпечаток церковного модернизма и, по нашему мнению, едва ли применимы к рассматриваемой эпохе (и вообще к идеалу православного монашества). В действительности присутствие Спасителя христианин должен чувствовать постоянно. Целью же монаха является расторжение связи с тварным, соединение ума с Богом посредством отсечения собственной воли. Именно так понимается обожение в святоотеческом богословии.

Одно из лучших мест работы А. В. Носова посвящено личной борьбе подвижников с нечистой силой. Исследователи средневековой агиографии и демонологии найдут здесь обширный и богатый материал. Так, например, здесь представлен мотив телесного присутствия демона, известный по целому ряду как переводных, так и русских житий, полнокровный еще в памятниках раннего старообрядчества (знаменитые эпизоды из Жития Епифания Соловецкого). Следуя за мыслью агиографов, А. В. Носов делает обоснованное заключение, что «реалистичность описаний... всегда подразумевала ограниченность природы демонов» (с. 277). Автор справедливо выделяет редкий мотив непротивления бесовской силы, встречающийся в житии св. Димитрия Прилуцкого. Вывод, что «агиограф стремился передать не столько отвагу святого, сколько поучительный пример его терпения» (с. 223), представляется правильным. Аналогии к данному сюжету отыскиваются в византийской литературе, в том числе в житии прп. Антония Великого.

В контексте сказанного в настоящем отзыве излишне прямолинейным представляется вывод, что «создание монастыря становилось возможным только в результате очищения места от влияния демонов» (с. 269). Не обстоит ли дело таким образом, что, напротив, влияние демонов уმაлялось с появлением созданного человеком святого места? Добавим, что едва ли герои русской агиографии могли помышлять о полном упразднении власти нечистой силы на некоторой территории. Скорее речь должна идти о том, что окружающее пространство начинает ориентироваться на иноков и их труды. Отчасти это подтверждает, к примеру, отмеченная А. В. Носовым чудесная способность святых мирно жить в соседстве с дикими животными, «ограждая» их «от влияния демонов» (с. 210). Она явным образом связана с тем, что райские качества зверей «припоминаются» в присутствии подвижников. Именно поэтому, например, пророка Илию кормили вороны (можно ли в этом случае – а его типологическое значение очевидно – говорить о преоб-

ражении пространства?). Здесь можно было бы применить найденный самим диссертантом удачный термин «нейтрализация» (с. 146, 274).

Отметим, что все изложенные замечания, высказанные нами в порядке научной дискуссии, ничуть не умаляют значимости работы А. В. Носова. Автору удалось продемонстрировать, что как исторические источники даже давно известные в науке жития русских святых весьма далеки от исчерпания, и предложить оригинальную, цельную, основанную на отличном знании текстов картину создания обителей в эпоху «монастырского возрождения» на Руси.

Главная ценность исследования видится в том, что А. В. Носов умеет распознать за житийной топикой черты действительности. В конечном счете то, что современники смотрели на любую обитель как на проекцию горнего Иерусалима, определяло их конкретную практику. Внимание к особенностям средневекового мировоззрения позволило автору прийти к убедительному выводу, что духовная брань преподобных имела «ключевое значение в сакрализации пространства» (л. 276). Сделанные А. В. Носовым частные наблюдения и обобщающие характеристики открывают широкую перспективу для дальнейших изысканий.

Автореферат полностью соответствует диссертационному исследованию. Диссертация А. В. Носова отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.1 – Отечественная история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, Носов Артем Владимирович заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Официальный оппонент:

кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник

Центра источниковедения истории России

ФГБУН «Институт российской истории Российской академии наук»

Вершинин Константин Владимирович

Контактные данные:

тел.: +7-(499)-126-94-49, e-mail: iriran@mail.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 07.00.02 – Отечественная история

Адрес места работы:

117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19

тел.: +7-(499)-126-94-49, e-mail: iriran@mail.ru

Подпись Вершинина К.В. заверяю:

